

Н. ВАЛЕНТИНОВ*

Смерть Ленина**

Восемнадцатого января 1924 г., за три дня до смерти Ленина, Крупская читала ему рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Содержание его многим известно. Через снежную пустыню, куда нога человеческая еще не ступала, пробирается к пристани реки больной, умирающий с голода, человек. Он уже не может идти, он ползет. А недалеко от него ползет, тоже умирающий с голода, волк. Волк угрожает человеку, набрасывается на него, между ними начинается борьба, в которой и волк, и человек теряют последние остатки своих сил. Человек все-таки побеждает и полумертвый, полубезумный доползает до цели. Рассказ Джека Лондона, — передавала Крупская, — чрезвычайно понравился Ленину. Так и должно быть. Рассказ полностью отвечал его натуре. «Любовь к жизни», воля к жизни, борьба за жизнь у Ленина была неистовая. Я это почувствовал еще в Женеве в 1904 г., вскоре после знакомства с ним. Позднее эта жажда, с бессознательной тягой к политическому бессмертию, проявилась у Ленина еще сильнее. Троцкий неправ, будто во время болезни на Ленина нападали периоды такого отчаяния, что он не верил докторам и не желал выслушивать их уверения, что может поправиться. Сестра Ленина Мария Ильинишна, наоборот, говорила, что Ленин «как лев» боролся с болезнью и послушно исполнял все требования лечивших его врачей. Он верил, что так или иначе, но осилит болезнь. Эта вера, огромная заложенная в него живучесть, эта воля к жизни, по мнению лечившего Ленина доктора Крамера, сделала чудо: он начал оживать, ходить, говорить, читать газеты, интересоваться политическими вопросами, даже после третьего удара невероятной силы, превратившего его в полутруп. Другие люди после такого удара обычно умирают, а Ленин прожил еще десять месяцев. При свойственной ему психологии и глубоко заложенной вере, что одолеет болезнь, Ленин, разумеется, не мог требовать доставки ему яда, чтобы покончить с собою. Как я уже писал, этот

* Н. Валентинов — псевдоним Николая Владиславовича Вольского (1879–1964), журналиста, экономиста и философа. Участвовал в революционном движении на Украине, примыкал к большевикам, затем (1904) перешел на сторону меньшевиков. Октябрьскую революцию не принял. В 1928 г. был командирован в Париж, в 1930 г. перешел на положение эмигранта.

** Глава из книги Н. Валентинова «НЭП и кризис партии. Воспоминания» (Нью-Йорк, 1991).

гулявший по Москве слух мог исходить от людей, не знавших, или не желавших знать одну из характерных черт Ленина.

21 января, в 6 часов 50 минут, Ленин умер. Смерть последовала при параличе дыхания и явлении гипертермии — нагревании тела до 42°. Общая картина болезни истощающим образом объяснена врачами. У Ленина был резко выраженный общий артериосклероз на почве преждевременного изнашивания артерий. От глубокого изменения мозговых артерий (сужения просветов этих артерий), происходил недостаточный приток крови в мозг, отсюда обширные очаги размягчения ткани мозга, вызывавшие в последнее время параличи конечностей, расстройство речи. 22 января в Горках профессором Абрикосовым, в присутствии целого синклита врачей, произведено вскрытие тела, продолжавшееся почти пять часов. В результате его появился отчет (акт) о патолого-анатомическом состоянии умершего. Немедленно опубликованный в газетах, он произвел на многих, в том числе и на меня, шокирующее впечатление. Этот акт говорит решительно обо всем, что в болезненном или здоровом состоянии находилось внутри Ленина. Все было вскрыто. Ничто не оставлено без анализа. О всем и всех изъянах дан самый детальный отчет — о головном мозге, покрове черепа, сердце, легких, брюшной полости, селезенке, почках, мышечной системе. Кажется, никогда еще и нигде в мире не представляли умерших правителей страны, царей, королей и т. д., в таком обнаженном до последней, до крайней анатомической степени виде. Никаких анатомических секретов, все показано. В нашем кружке «Лиге наблюдателей» тот участник его, которого я назвал Юристом, позднее говорил, что в публикации акта детального вскрытия тела Ленина проявилось свойственное большевикам грубо-материалистическо-анатомическое отношение к человеку. На это другой участник, Икс, указал, что составлять подробнейший врачебный акт, конечно, было важно и нужно, но не следовало его печатать одновременно с выражением чувств любви, скорби, почтения к умершему. Я помню, как в редакции «Торгово-Промышленной Газеты» один из наших сотрудников, Штромберг, говорил со мною на ту же тему.

«Мы знали Ленина как вождя революции, законодателя, правителя страны, если хотите — диктатора, заменившего династию царей. Можем ему симпатизировать или не симпатизировать, это дело наших убеждений. Но Ленин — человек, это *психика*, а нам его потрошат, выворачивают наружу и этим как бы внушают: Ленин только *материя*, только собрание такого-то характера и состояния полушарий головного мозга, кишек, брюшной полости, сердца, почек, селезенки. В этом есть нечто шокирующее».

В акте вскрытия мои знакомые коммунисты обращали больше всего внимания не на это, а на другое: головной мозг Ленина весит — *1340 грамм*. Коммунист Ходоров, давший одновременно для «Правды» и для «Торгово-Промышленной Газеты» поминальную статью о роли Ленина в китайских делах, плача, скорбя о его смерти, уверял меня, что ленинская гениальность находится в прямой связи с весом, величиной его мозга. Якобы такой величины у людей обычного габарита не бывает. По наведенным некоторыми сотрудниками «Торгово-Промышленной Газеты» справкам оказалось, что вес мозга у мужчин вообще колеблется от 1100 до 1400 грамм, часто достигая 2000 грамм, и с этой точки зрения мозг Ленина ничего экстраординарного не представляет. Вдобавок, врачи нам объяснили, что, если уже искать причины образования «гениального мозга», важность приобретает совсем не вес, не обширность мозга, а его серое вещество. Я сообщаю, что тогда говорилось, а верно это или нет — не знаю.

Как отнеслось население к смерти Ленина? — Совсем не так, как изображала иностранная печать. Мой антикоммунизм ни при каких условиях не может сделать из меня лжесвидетеля. Я должен сказать, что, если взять, например, Москву, огромная часть ее населения к смерти Ленина отнеслась несомненно с печалью, с чувством какой-то важной утраты. Я не говорю о коммунистической партии. Она всем обязана Ленину и без него не существовала бы. Масса лиц, бывших ничем, благодаря Ленину и сделанной им революции, стала чем-то, подошла к власти, вступила в господствующий класс, и вполне понятно, что эти лица искренно, горько оплакивали того, кто вытащил их из политического небытия, состояния ничтожества. Но печаль, а в причины и мотивы ее здесь не вхожу (это сложный вопрос), чувствовалась в рабочей среде, среди мелких служащих и части беспартийной интеллигенции, с введением НЭП-а ставшей активно работать в советском аппарате. НЭП, новая экономическая политика, удалившая удушающие страну порядки военного коммунизма, создала симпатию к Ленину в слоях, далеко стоящих от какой-либо политики. В доме, где я жил, дворником служил безграмотный, в минимальной степени развитой Степан Антонович, после многих лет жизни в столице, в Москве, сохранивший душу крестьянина самого отсталого сельского захолустья. Попав во время войны в плен в Австрию, он пробыл там три года и из всего, что там видел (он был недалеко от Вены), он вынес только два наблюдения и заключения: «Чудной народ! Взвешивают они не по-нашему, на пуды и фунты, а на кило (“на килу”, как он говорил) и все австрийцы — кулаки, все носят сапоги или кожаную обувь».

Этот самый Степан Антонович мне поведал, что ему очень, очень жалко, что «Ленин помер». Когда я спросил: почему же он так жалеет Ленина, он мне ответил: «Да ведь это Лёнин приказал открыть рынки и лавки, позволил торговать тем, что нужно. Это после его приказа появился и ситный (белый) хлеб, и настоящий ржаной, и картошка, и сахар. Не сделай этого Ленин, мы бы и по сей день стояли бы голодными в очередях».

Представление о Ленине как правителе-избавителе от тяжких бед и грабежа было, несомненно, распространено среди крестьянства. О большом почтении к нему среди крестьян я впервые узнал в 1922 г., попав в село Васильевское в 60 верстах от Москвы. Один тамошний крестьянин мне весьма подробно стал объяснять, что «Ленин русский человек, крестьян он уважает и не позволяет их грабить, загонять в колхоз, а вот другой правитель — Троцкий — тот еврей, тому на крестьян наплевать, труд и жизнь их он не знает, не ценит и знать не желает».

23 января гроб с прахом Ленина был из Горок перевезен в Москву и водружен в великолепном колонном зале Дома профессиональных союзов. Мимоходом замечу, это здание, построенное еще в 1784 г., называлось до войны «Благородным Дворянским Собранием», в нем устраивались приемы царей, дворянские собрания, благотворительные вечера и концерты. В течение трех дней сотни тысяч людей непрерывным потоком шли к гробу «проститься с Лениным». Шли и днем, и ночью. Холод, мороз стоял нестерпимый, люди зябли, простуживались и все-таки стойко целыми часами дожидались очереди пройти к гробу. Мне кажется, что у русского народа есть гораздо большее, чем у других народов, особое мистическое любопытство, какая-то тяга посмотреть вообще на труп, на покойника, на умершего, в особенности, если покойник тем или иным выделялся из общего ранга. В паломничестве к гробу Ленина было и это любопытство, но несомненно было и другое чувство: засвидетельствовать перед покойником свое к нему уважение, любовь, признательность или благодарность. Пошла туда и наша редакция «Торгово-Промышленной Газеты», получившая от комиссии по организации похорон возможность пройти к гробу без долгих часов стояния в очереди. Без этого мы не могли бы своевременно выпустить газету. Отправился и я вместе с другими моими сотрудниками. Не идти я и не мог бы. В глазах мне подчиненных людей и моего начальства в ВСНХ это было бы большой и немедленно всеми замеченной демонстрацией. А делать ее у меня никаких мотивов не было. У меня, наоборот, были мотивы за то, чтобы идти. Во-первых, я действительно хотел взглянуть в последний раз, назовем это «проститься» с тем, чье большое

политическое влияние я испытывал в годы моей молодости, двадцать лет перед этим, в течение 1901–1904 гг. Во-вторых, Ленин последнее время был для меня больше всего смелым зачинателем НЭП-а, человеком 1921 г., а не человеком 1917 г., захватившим власть, разогнавшим Учредительное Собрание, ставшим осуществлять те идеи, провал которых наш кружок («Лига наблюдателей») с большим удовлетворением установил в своей памятке «Судьба основных идей октябрьской революции».

Гроб Ленина в Колонном зале был поставлен столь высоко, окружен таким количеством пальм, венков, цветов, прохождение около гроба должно было совершаться с такой быстротой, что, в сущности, умершего Ленина я и не увидел. Три или четыре года спустя, в 1927 или 1928 г., проходя по Красной площади, я решил зайти в мавзолей Ленина. От того, что я там увидел, впечатление осталось удручающее, отвратительное. Под стеклянным колпаком лежала небольшая лакированная кукла с желтенькими усами. Каким-то лаком было покрыто ее лицо. Ничего, ну, абсолютно ничего, сколько-нибудь схожего с человеком, которого я знал. Лет двенадцать перед этим, будучи в Париже, я зашел в музей Гревэн на бульваре Монмартр. Там из воска и разного материала специалисты делают с большим искусством точные «портреты»-фигуры в натуральную величину персон, по тем или иным причинам попадающим в поле большой актуальности, в поле обостренного внимания публики. Таковым может быть и король, и какой-нибудь генерал, ученый, политический деятель, артист или кровавый преступник-убийца. Фигуры из воска музея Гревэн — верх совершенства в сравнении с грубой фабрикацией, под наименованием «Ленин», находившейся под колпаком в мавзолее. Мощи Ильича мне показались величайшей насмешкой над живым Лениным. Откуда, как, у кого появилась мысль выпотрошить все внутренности из трупа Ленина и из чего-то небольшого после этого оставшегося создать подобие человека, — мумию? У кого родилась идея, под видом останков Ленина сохранить эту штуку в особом мавзолее?

Об этом, совершенно так же, как о многом другом неизвестном, о чем мне пришлось говорить на предыдущих страницах, до сих пор ничего не было в печати. «Предысторию» мавзолея Бухарин поведал Рязанову, а я узнал ее не прямо от него, а в передаче некоторых посредников. Ньюансы, оттенки мысли, выражения людей, создававших эту «предысторию», крайне интересны. Вряд ли мне удастся их передать во всей их «выпуклости», тем не менее я постараюсь, чтобы, хотя бы грубо и кратко, была охарактеризована позиция в этом вопросе Калинина, Сталина, Рыкова.

Троцкий в своей автобиографии писал, что «На Красной Площади воздвигнут был при моих протестах недостойный и оскорбительный для революционного сознания мавзолей». Когда Троцкий протестовал? Конечно не тогда, когда мавзолей с бальзамированным трупом Ленина уже появился. Тогда протестовать было поздно и невозможно, да и во время появления мавзолея Троцкий был не в Москве, а в Сухуме. Протестовал Троцкий задолго до этого и досадно, что нигде в своих воспоминаниях он об этом не рассказывает.

Вот что можно установить из рассказов Бухарина.

Вероятно, в последних числах октября 1923 г. сошлись шесть лиц из Политбюро — Троцкий, Бухарин, Каменев, Калинин, Сталин, Рыков. Это не было заседанием Политбюро. Зиновьев и Томский на нем не присутствовали, не было ни записи происходившего разговора, ни какого-либо зафиксированного решения. Это было только беседой. Сталин сообщил, что по полученным им сведениям состояние здоровья Ленина внезапно столь ухудшилось, что молено опасаться смертельного исхода. Ряд соображений подсказывает, что Сталин имел в виду резкое ухудшение положения Ленина после его поездки 19 октября из Горок в Москву. Отсюда я и вывожу, что совещание происходило в последних числах октября или в начале ноября.

Отзываясь на сообщение Сталина, Калинин указал, что надвигающаяся смерть Ленина ставит перед партией важнейший вопрос о его похоронах. «Нужно обдумать все к ним относящееся. Это страшное событие не должно нас застигнуть врасплох. Если будем хоронить Владимира Ильича, похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видывал».

Сталин вполне поддерживал Калинина.

«Нужно действительно все обдумать заранее, чтобы не было никакой растерянности, незнания, что делать в часы великой скорби. Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому и *должен быть похоронен*. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения пред усопшим. Оно может показаться даже оскорбительным для памяти его. В сожжении, уничтожении, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний высший суд над теми, кто подлежал казни. Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет».

Речь Сталина была длинная, верткая, но что я верно передало ее смысл и направление, можно судить по ответу на нее, который с величайшим возмущением сделал Троцкий:

«Когда тов. Сталин договорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин — русский человек и его нужно хоронить по-русски. По-русски, по канонам русской православной церкви, угодники делались мощами. По-видимому нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону — сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергея Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят их заменить мощами Владимира Ильича. Я очень хотел бы знать, кто эти товарищи в провинции, которые по словам Сталина, предлагают с помощью современной науки бальзамировать останки Ленина, создать из них мощи. Я бы им сказал, что с наукой марксизма они не имеют абсолютно ничего общего».

В полном согласии с Троцким и с таким же возмущением говорил Бухарин. Превращение в бальзамированную мумию останков Ленина, по его мнению, до такой степени оскорбительно для его памяти, до такой степени противоречит, не вяжется со всем его материалистическим, диалектическим мировоззрением, что об этом не может быть и речи.

«Я замечаю, что где-то в партии, из каких-то щелей несет странным духом. Хотят возвеличить физический прах в ущерб идейному возвышению. Говорят, например, о переносе из Англии к нам в Москву праха Маркса. Приходилось даже слышать, что сей прах, похороненный около кремлевской стены, как бы прибавит “святости”, значения всему этому месту, всем погребенным в братском кладбище. Это чёрт знает что!»

В таком же духе возражал Сталину и Каменев. Он указал, что существует предложение (его особенно поддерживает Зиновьев) переименовать Петроград в Ленинград. Такой акт, отмечающий грандиозное значение Ленина в истории октябрьской революции, вместе с изданием в десятках миллионов экземпляров его сочинений, явится действительным почитанием памяти Ленина. Что же касается сохранения тела Ленина, он, Каменев, видит в этом своеобразный и странный отголосок того «поповства», которое бичевал Ленин в своей философской книге.

По-видимому, на Сталина и на Калинина протесты Троцкого, Бухарина и Каменева впечатления не произвели. Сталин отказался назвать имя «товарища из провинции», предложившего произвести бальзамирование останков Ленина, а Калинин продолжал настойчиво твердить, что Ленина нельзя хоронить как простого смертного. Странную, но клонящую к Сталину и Калинину позицию занял Рыков. Он находил весьма неудачной вообще идею устройства кладбища на Красной площади у кремлевской стены: «Принесли туда несколько сот гробов, якобы защитников октябрьской революции, и сложили в братские могилы. Но были ли они

действительными защитниками революции, а не случайно убитыми и даже врагами этой революции, этого точно мы не знаем. Этот вопрос кое-кем поднимался в 1919 г., когда хоронили в том же месте Я. М. Свердлов».

Из того, что до меня дошло, можно было понять, что Рыков тоже считал, что Ленина нужно хоронить как-то по-особому и, во всяком случае, вне братского кладбища. В моих встречах с ним вопрос о похоронах Ленина никогда не затрагивался, позиция Рыкова в этом вопросе делала для меня невозможной его постановку.

Что же случилось, когда Ленин умер и уже безотлагательно потребовалось установить, как его хоронить? О принятом на этот счет решении не знали даже в высокостоящих рядах партии. Например, Е. Ярославский занимал важнейший пост секретаря Центральной Контрольной Комиссии партии, куда, по определению Сталина, могли входить лишь люди, равные «цекистам». И все-таки даже он, Ярославский, не знал, что решено, и потому в своей поминальной статье (над нею потом издевались), помещенной 26 января в «Правде» писал: «Родной Ленин! Смертное тело твое — *скроем в землю*, а дело твое, твои мысли останутся с нами в нас»*.

В том-то и дело, что было решено не *скрывать*, не *зарывать* останки *Ленина в землю*. И в том же самом номере «Правды», в левом уголке четвертой страницы, явно избегая эпатировать партию и население, скромненько напечатано следующее постановление президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза, подписанное председателем ЦИК Калининным.

«Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями в ЦИК СССР; и в целях предоставления всем желающим, которые не успели прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, президиум ЦИК Союза постановляет:

1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

2. Склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братской могилы борцов октябрьской революции»**.

Когда это постановление появилось, оно показалось мне и другим каким-то ребусом. Оно двусмысленное. С одной стороны, сохранение тела Ленина должно носить как будто временный характер — дать неприехавшим делегациям из провинции возможность «проститься» с любимым вождем. С другой стороны, «склеп» совсем не для временной цели, а навсегда для его постоянного посещения. Объяснение ребуса оказалось простым. В По-

* Правда. 1923. 24 янв. С. 3.

** Там же. С. 4.

литбюро была группа, которая, не считаясь с протестами Троцкого, Каменева, Бухарина, твердо решила труп Ленина бальзамировать и сохранять. За это стояли Сталин, Рыков, Калинин. Заявление Калинина, что в ЦИК будто бы поступали от «многочисленных делегаций» «просьбы и предложения сохранить останки Ленина (по «русским» канонам сделать из них мощи) было, разумеется, ложью, враньем. Все было решено без этих обращений. 26 января открылся второй Всесоюзный Съезд Советов. Казалось бы, он-то и должен бы решить вопрос о «мощах». Это сделано без него, до него, так как уже 25 января президиум ЦИК опубликовал свое постановление о сооружении «склепа». Съезду Советов, по предложению, — подчеркну, — *Рыкова* осталось постановление утвердить, одновременно с переименованием Петрограда в Ленинград, что тоже было уже сделано Петроградским Советом по предложению Зиновьева. Стоит напомнить, что строившийся втайне, впопыхах и с огромной скоростью, склеп немедленно после переноса в него останков Ленина был закрыт, и доступ туда запрещен. Официально это мотивировалось тем, что не окончены работы по оборудованию внутри склепа, на самом же деле была другая, более важная, причина: труп Ленина стал быстро разлагаться, его нужно было по-новому препарировать, а потом все последующие годы поддерживать особым туалетом. Спешно сделанный деревянный мавзолей заменен в 1929 г. другим, солидным, из гранита.

При приближении немцев к Москве, мумия Ленина была куда-то увезена. Я слышал, что вместо прежней мумии Ленина была сделана другая, вся новая и более на него похожая. Так ли это — не знаю. Место недалеко от мавзолея продолжает быть кладбищем высокостоящих персон коммунистического режима. По непонятным мне причинам, трупы одних подвергаются сожжению и прах их хранится в урнах; такой операции подверглись, например, тела М. Горького, Крупской, Куйбышева, Щербакова. Другие, как все до начала тридцатых годов, погребаются без сожжения в гробах — Калинин, Жданов*.

* Перенесение в мавзолей, хранящий «святые мощи» Ленина, мумии Сталина, преступные деяния которого заклеены в секретном докладе Хрущева, — того самого Сталина, смерти которого жаждали и, более чем вероятно, способствовали его нынешние наследники, представляет собой величайший абсурд. Но такими абсурдами полна вся история советской революции.